

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 80

Гушкова Л.В.

Московский государственный областной университет

ПОВТОР КАК СРЕДСТВО СУБЪЕКТИВНОСТИ И ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»

Аннотация. В статье рассматриваются функциональные виды повтора как средства субъективности и экспрессивности. Исследование повтора как средства акцентирования и экспрессивности позволяет описать виды повтора и особенности употребления повтора автором повести. Методы исследования: наблюдение за языковым материалом, его функционально-стилистический и синтаксический анализ. В повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» повтор позволяет выделить доминанту микротекста или макротекста. Рассмотрение повтора как средства субъективности и экспрессивности позволяет детально изучить особенности описание автором мира художественного текста.

Ключевые слова: повтор, экспрессивность, субъективность, акцентирование, эмоциональность.

L. Huskova

Moscow State Regional University

REPETITION AS A MEANS OF SUBJECTIVITY AND EXPRESSIVITY IN N. GOGOL'S STORY "TARAS BULBA"

Abstract. The article deals with functional types of repetition as a means of subjectivity and expressivity. The analysis of repetition as a means of highlighting and expressivity allows us to describe the types of repetition and the peculiarities of its usage by the author of the story. Methods of study are language data observation and their functional, stylistic and syntactic analysis. The repetition enables us to distinguish both the micro text and the macro text dominants in Gogol's story "Taras Bulba". The analysis of the repetition as a means of subjectivity and expressivity allows us to study in detail the specific features of the description of the author's imaginary world.

Keywords: repetition, expressivity, subjectivity, highlighting, emotionality.

Экспрессивность представляет собой выражение отношения к говорящему и/или к предмету речи. Субъективность объясняет многообразие средств выражения экспрессивности, которые можно найти на всех языковых уровнях. По словам В.В. Виноградова, «экспрессия всегда субъективна, характерна и лична – от самого мимолётного до самого устойчивого, от взволнованности мгновения до постоянства не только лица, ближайшей его среды, класса, но и эпохи, народа, культуры» [3, с. 25]. Экспрессивность высказывания на синтаксическом уровне обусловлена выполнением прагматической функции. Информация, содержащаяся в высказывании или в компоненте высказывания, может быть акцентирована при помощи повтора. При повторе эмоциональная составляющая высказывания становится доминирующей. На первый план выходит оценочность, что позволяет рассматривать высказывание как прагматически и эмоционально значимое для понимания общего плана экспрессивности в тексте. Целью настоящей статьи является рассмотрение функциональных видов повтора, использованных в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба».

По словам А. Белого, «повтор у Гоголя – стилиевой фон, данный в росписи других фигур речи; он, как колоннада греческого зодчества, определяет всё прочее» [2, с. 306]. Определив особенности употребления повтора в повестях Н.В. Гоголя, мы можем говорить о цикличности этого явления. Повтор может сочетаться с формой интензива, с эмоциональными междометиями и с частицами.

«Страшен, страшен привиделся он мне во сне! Боже сохрани и вам уви-

деть его!» [5, с. 209]. Повторы в речи Катерины говорят о сильном волнении и испуге. Одновременно они дают характеристику колдуну: одно слово характеризует его. Надо заметить, что в «Страшной мести» мы редко встретим описания колдуна. Чаще его образ передаётся через эмоциональную оценку персонажей. Во фразе акцентируется суть его характера. Здесь автором употреблён лексический повтор. Этот вид повтора «усиливает изобразительные возможности повторяемого слова, акцентирует внимание читателя именно на этом приёме и на этом слове» [7, с. 54]. Субъективное отношение рассказчика выражено путём акцентирования словоформы. Повтор сочетается с восклицательной интонацией и усиительной частицей *и (и вам)*.

Повтор является сюжетообразующим звеном в повести «Тарас Бульба». Повторы важны как для понимания образов героев, так и для репрезентации ценностей художественного мира повести. Повторы встречаются как в речи героев, так и в авторской речи. По словам В.В. Виноградова, «не только речи действующих лиц, но и язык автора казались выхваченными из живой действительности и вместе с тем раскрывающими её социально-историческую сущность, её национально-типические свойства» [4, с. 73]. Мы рассмотрим повтор в речи героев и автора в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба».

Повтор словоформы служит для выделения эмоциональной и семантической доминант высказывания. В тексте он может выполнять эмоциональную функцию, позволяя рассмотреть особенности восприятия действительности персонажем. Акцентирование

словоформы может быть обусловлено семантической и эмоциональной её нагрузкой, которая оказывает влияние на окружение, делает высказывание экспрессивным.

Повтор является средством экспрессивности и выполняет изобразительную функцию в повествовании. Для повести характерна индивидуализация речи героев. Речь жида Янкеля характеризуется повторами: *„Ясновельможные паны!“* – кричал один, высокий и длинный, как палка, жид, высунувши из кучи своих товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхом. *„Ясновельможные паны! Слово только дайте нам сказать, одно слово! Мы такое объявим вам, чего ещё никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное!“* [6, с. 78]. Повтор словоформы является средством характеристики речи Янкеля. Использование повторов позволяет показать торопливость и суетливость речи, одновременно выделяя эмоциональную доминанту высказывания. Слова Янкеля в среде казаков обесцениваются, что не раз подчёркивается описанием пренебрежительного отношения казаков к жидам. Этим можно объяснить приём повтора как основной для описания Янкеля.

Как подвид повтора, можно выделить «антиэллипс» [11, с. 81]. Для этого вида повтора характерно избыточное повторение члена предложения, которое вводится для семантического или эмоционального акцентирования. Словоформа, повторяясь, служит организационным звеном высказывания, например, указывая на волнение Янкеля:

Как же можно, чтобы я врал? Дурак я разве, чтобы врал? На свою бы голову я врал? Разве я не знаю, что жида по-

везят, как собаку, коли он соврёт перед паном? [6, с. 112]; Схватить жида, связать жида, отобрать все деньги у жида, посадить в тюрьму жида! Потому что всё, что ни есть недоброго, всё валится на жида; потому что жида всякий принимает за собаку; потому что думают, уж и не человек, коли жид [6, с. 152].

Речь Янкеля содержит несколько видов повтора. Это может быть повтор словоформы, повтор может сочетаться с формой интенсива или междометиями: *Те совсем не наши, те, что арендаторствуют на Украине! Ей-богу, не наши!* [6, с. 79]; *Таких панов никогда не видывано. Ей-богу, никогда!* [6, с. 79]; *Я везу всякий нужный запас для казаков и по дороге буду доставлять всякий провиант по такой дешёвой цене, по какой ещё ни один жид не продавал, ей-богу, так; ей-богу, так* [6, с. 82]; *У воеводы есть дочка-красавица. Святой боже, какая красавица!* [6, с. 112]; *О, не можно, любезный пан, не можно!* [6, с. 154]; *Ей-богу, полковник, совсем полковник!* [6, с. 159]

«Антиэллипс» в речи героев позволяет выделить эмоционально-семантическую доминанту речи. Рассмотрим пример из речи Тараса Бульбы: *Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? Тот, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка.* [6, с. 45] *Да горелки побольше, не с выдумками горелки, с изюмом и всякими вытребеньками, а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела, как бешеная* [6, с. 43]. Акцент на слове *горелка* позволяет показать, что для казака горелка является символом вольной жизни. Повтор, сопровождаемый отрицанием, останавливает внимание

читателя на важности приказа Тараса Бульбы для понимания его мировоззрения: повторы выделяют смысловую доминанту текста.

Употребление повтора можно отметить в речи повествователя. В этом случае повтор живо воссоздаёт картины битвы, которая происходит будто бы на глазах читателя. Повтор создаёт у него иллюзию присутствия и делает повествование эмоциональным. Одновременно в этом случае повтор интенсивно передаёт стремительность действия: **Как же вскинулись казаки! Как схватились все! Как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет!** [6, с. 136]. Форма интенсива, созданная при помощи глаголов *вскинулись, схватились, закипел* и частицы *как*, воссоздаёт перед читателем картину сражения.

Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! [6, с. 143]. В этом тексте повтор интенсива – это средство отражения психо-эмоциональной сферы героев и повествователя. Повтор позволяет подчеркнуть стремительность действия, а также высокую степень эмоциональности повествования.

Так и летели чёрные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий [6, с. 142]. Повтор эмоциональной частицы *так и*, обозначающей интенсивность действия, указывает на усиление эмоциональной напряжённости повествования и служит для противопоставления описания Андрия реакции его отца. Благодаря употреблению параллелизма противопоставление выделено и является эмоциональным пиком

описания битвы. Параллелизм служит средством выражения эмоционально-субъективной оценки битвы: стилизованное под былинное противопоставление образов позволяет остановить на них внимание читателя.

Повтор используется Н.В. Гоголем для стилизации повествования под народный сказ, под былинку. В.Г. Белинский писал об этой повести: «Эта дивная эпопея, написанная кистью смелою и широкою, этот резкий очерк героической жизни младенчающего народа, эта огромная картина в тесных рамках, достойная Гомера» [1, с. 52]. Пример из речи матери Остапа и Андрия: **Её сыновей, её милых сыновей берут от неё, берут для того, чтобы не увидеть их никогда!** [6, с. 50]. Причитания матери Остапа и Андрия сближаются по стилю с жанром плача. Этот же приём Н.В. Гоголь использует в повести «Майская ночь, или Утопленница». «Она приняла на себя вид утопленницы; **но я знаю, но я слышу, что она здесь. Мне тяжело, мне душно с ней**» [5, с. 96]. Кроме повтора, употреблены параллельные конструкции. Они придают речи панночки эмоциональность. Ритм повествования становится напевным.

Как в былинах, как в народных сказаниях, так и в рассматриваемой повести особую роль играет число три. Трёхкратный повтор служит не только средством акцентирования, но и отсылает читателя к фольклору. Повтор может проявляться на нескольких уровнях: от повтора на уровне предложения до повтора на уровне всего текста.

Повтор помогает очертить границы миропонимания повествователя. **Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как**

львы! **Вот** откуда разливается воля и козачество на всю Украину! [6, с. 62]. Субъективность выражения мировоззрения повествователя создана при помощи повтора частицы *вот*. Частица, по словам Н.Ю. Шведовой, тяготеет к классу местоимений, но не относится к нему, что подчёркивает её семантическую наполненность [12, с. 19]. Трёхкратное повторение создаёт градационную последовательность, каждый член которой является обобщённой характеристикой Сечи и звучит в речи повествователя как былинный запев.

Характеристика доминанты высказывания при помощи повтора позволяет выделить в тексте ещё один вид повтора, который назван А.П. Сковородниковым «позиционно-лексическим повтором». «Позиционно-лексический повтор» – «разновидность повтора, которая предполагает однородность повторяемых позиций и тождество их лексического наполнения» [11, с. 108]. Этот тип повтора отличается тем, что интенсификация создаётся за счёт повторения синтаксической позиции части высказывания и её интонационного акцентирования. Повторение выявляет семантическую и эмоциональную доминанту в речи персонажа. «Повторы-возвращения выполняют особенно важную эстетическую функцию в повествовании с позиций персонажа» [7, с. 53]. В прозе Гоголя многие повторы возвращают читателя к известному, задерживают его, чтобы динамика повествования показала ещё ярче. Повторы играют важную роль для характеристики персонажей и создания ассоциативных связей. Повторы-возвращения образуют связь на уровне всего текста. В самом начале повести слова Тараса относятся к

удали Остапа: „Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил“ [6, с. 42] и к словам Андрия: „Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду!“ [6, с. 45]. Во второй раз мы встречаемся с этими словами в разгаре боя: „Добре, сынку! .. Добре, Остап! . . “ кричал Тарас: „Вот я следом за тобою!..“ [6, с. 145]. В третий раз те же самые слова мы слышим из уст Тараса Бульбы на площади, когда пытаются Остапа: „Добре, сынку, добре!“ – сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову [6, с. 164]. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: „Добре, сынку, добре!“ [6, с. 164–165]. Три раза автор возвращается к этим словам, они рефреном проходят через всю жизнь Остапа и являются выражением эмоционального отношения к нему героев и читателя.

Близость к фольклору прослеживается и при описании битвы казаков с ляхами. Трёхкратное повторение-обращение Тараса Бульбы к казакам и трёхкратный отклик казаков сближают повесть с былинами о богатырях: „А что, пань?“ – сказал Тарас, перекликнувшись с куренными: „Есть ещё порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутя ли козаки?“ „Есть ещё, батько, порох в пороховницах. Не ослабела ещё козацкая сила; ещё не гнутя козаки!“ [6, с. 138]. „Что пань?“ – перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех: „Есть ли ещё порох в пороховницах? Крепка ли ещё козацкая сила? Не гнутя ли ещё козаки?“ „Есть ещё, батько, порох в пороховницах; еще крепка козацкая сила; ещё не гнутя козаки!“ [6, с. 139]. „А что, пань?“ – перекликнулся Тарас с оставшимися куренями: „Есть ли ещё порох в пороховницах?“

Не иступились ли сабли? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козаки?“ – „*Достанет ещё, батько, пороху! Годятся ещё сабли; не утомилась козацкая сила; не погнулись ещё козаки!*“ [6, с. 141]. Доминанта картины духа казаков ясно выражена при помощи повтора-рефрена. Присутствие наречия *ещё* во всех трёх вариантах уже подсказывает читателю, что битва закончится не в пользу казаков. Трагическое звучание приобретает повтор и из-за многократного употребления частицы *не* (*не ослабела, не утомилась, не погнулись*), которая в повестях Н.В. Гоголя предвещает беду герою. Обращая внимание на недостатки повестей Н.В. Гоголя, В.Ф. Перверзев счёл, что «Гоголь, конструируя свои образы, заставил их выражаться песенным языком. Получились искусственные, книжные образы, а не живые характеры» [10, с. 320]. Между тем, употребление повтора приобщает повесть к былинам, относит повествование к давно минувшим годам.

Этот же приём был использован Н.В. Гоголем в повести «Майская ночь, или Утопленница». Образ панночки характеризуется с помощью повторов-рефренов. Три раза повторяет она: «*Парубок, найди мне мою мачеху!*» [5, с. 95]. Повторяясь, эта фраза образует доминанту образа героини. Рефрен перемежается параллельными конструкциями: «*Погляди на белую шею мою... Погляди на белые ноги мои... а на очи, посмотри на очи...*» [5, с. 95]. Повторы делают речи панночки подобием плача-заклинания, и эта стилизация порождает особую эмоциональность, схожую с былинным плачем.

Таким образом, повтор является субъективным средством выражения эмоциональной напряжённости по-

вестования. Функция повтора в повести – это выделение семантической доминанты художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Н.В. Гоголь в русской критике: Сб. ст. М.: Гос. издат. худож. лит. 1953. С. 5–63
2. Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование / Вступ. ст. Ю. Манна. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. 416 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
4. Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. – М.: Наука. 2003. 373 с.
5. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 1. Ганц Кюхельгартен. Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: АН СССР, 1940. 556 с.
6. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 2. Миргород. М.: АН СССР, 1937. 763 с.
7. Ерёмкина Л.И. О языке художественной прозы Н.В. Гоголя: Искусство повествования / ред. А.Н. Кожин. М.: Наука. 1987. 176 с.
8. Лекант П.А. Интенсив – это форма или конструкция? // Вестник Московского государственного областного университета [Электронный журнал]. 2010. №1. С. 57–60
9. Лекант П.А. Субъективная аналитическая категория интенсива в русском языке // Русский язык в школе. 2011. № 7. С. 75–78
10. Перверзев В.Ф. творчество Гоголя. М.: Совр. проблемы, 1914. 360 с.
11. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского языка. Томск: Изд. Томского ун-та. 1981. 255 с.
12. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.